

гиозных верований автор видит в выяснении влияния религиозного сознания на образ жизни человека.

При исследовании категории «знание» затрагивается широкий круг вопросов: роль знания в обществе, способы приобретения знаний, эволюция категории знания в различных социальных слоях, зависимость образа жизни от образованности членов общества. Особое место отведено изучению народных знаний — народной медицины, ботаники, зоологии и т. п.

Как отмечает Кременшек, этнографов занимают все проявления искусства в той мере, в какой они помогают в раскрытии образа жизни и культуры этнических общностей. Говоря об обстоятельствах, обусловивших возникновение искусства, автор не выделяет первостепенных причин, ограничившись простым перечислением факторов, побудивших людей к занятиям искусством — «снятие душевного напряжения и сдерживание страстей, удовлетворение социальных потребностей, связанных в первую очередь с миром религиозных представлений, стремление к выражению чувств и переживаний» (стр. 245).

В заключительной главе книги проводится анализ источников и методики этнографических исследований.

Таким образом, по характеру затрагиваемых вопросов книга С. Кременшека «Общая этнология» во многом аналогична советским учебным пособиям по общей этнографии. Кардинальное отличие заключается в том, что автор по существу затрагивает лишь общие категории этнографии. В книге нет ни этнографического образа народов, ни их систематизации. В работе приводится лишь классификация по культурно-хозяйственным типам. Деление же народов по географическому, лингвистическому, антропологическому и другим признакам не рассматривается.

Создание подобной работы, где должны быть освещены в доступной форме основные проблемы этнографической науки, связано с большими трудностями. Однако это не помешало автору создать стройный труд, написанный живым языком. Большая заслуга Кременшека в том, что он опирается на обширную литературу на сербохорватском, словенском, русском, английском, французском, немецком языках, причем часть ее, по словам самого автора, была впервые использована в словенских этнографических исследованиях.

О. А. Акимова

Р. Г. Ляпунова. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975, 200 стр.

Проблема заселения человеком Северо-Восточной Азии и Северной Америки в последние десятилетия привлекает пристальное внимание советских и зарубежных исследователей.

Алеуты, заселившие с не засвидетельствованных историей времен островные земли Тихоокеанского бассейна между п-овом Аляска и побережьем Северо-Восточной Азии, создали уникальную материальную и духовную культуру морских охотников и рыболовов. Многие элементы древнейшей культуры островитян, вопросы происхождения протоэскимосоалеутов, вопросы их социальной организации, история заселения данного ареала (время и пути продвижения протоэскимосоалеутов на Североамериканский континент через область древней Берингии), возможная преемственность важнейших элементов культуры от гипотетических предшественников алеутов на островах (о чем свидетельствуют лингвистические данные), следы генетических и контактных связей алеутов с соседними племенами (эскимосами, индейцами) — эти и сопутствующие им проблемы в той или иной степени решаются значительным числом советских и зарубежных ученых. Однако многие из этих проблем остаются еще недостаточно изученными или совсем нераскрытыми.

Алеутская проблема рассматривается ныне археологами, антропологами, этнографами и лингвистами не изолированно, а как составная часть общей протоэскимосоалеутской проблемы, решение которой может прояснить историю заселения человеком Нового Света, образование и развитие в этом ареале этнических общностей и отдельных культур.

Рецензируемая монография представляет собой весьма важный вклад в изучение истории образования и развития (вплоть до колонизационного периода) алеутского общества. На основании тщательного, тонкого и всестороннего анализа уникальных музейных коллекций XVIII и XIX вв., архивных источников, а также глубокого и критического анализа литературы по этнографии, археологии и антропологии алеутов автор не только дает весьма ценное в научном отношении описание материальной культуры аборигенов исследуемого ареала, но и делает важные теоретические обобщения, позволяющие подойти к решению проблем становления и развития уникальных островных и приморских эскимоско-алеутских популяций.

«Очерки по этнографии алеутов» — первое комплексное описание традиционной материальной культуры, истории становления и поэтапного развития алеутского общества, основанное на документальных данных и на обширном материале, который дали новейшие этнографические, археологические и лингвистические исследования советских и зарубежных ученых.

Р. Г. Ляпунова знакомит читателя с различными предметами материальной культуры алеутов, собранными русскими путешественниками, мореплавателями и учеными в XVIII и XIX вв., когда самобытный алеутский образ жизни не претерпел еще существенных изменений в результате влияния русской культуры. Многие из этих предметов, хранящихся в Музее антропологии и этнографии АН СССР и в ряде других музеев СССР, благодаря монографии Р. Г. Ляпуновой впервые становятся обозримыми для специалистов-этнографов и широкого круга читателей.

Правда, часть коллекций, относящихся к искусству алеутов, уже была ранее опубликована и великолепно прокомментирована С. В. Ивановым, а большая коллекция этнографических предметов по алеутам, собранная И. Г. Вознесенским в 1839—1849 гг., исследовалась К. К. Гильзенем, М. В. Степановой, Е. Э. Бломквист и др. Однако в работе Р. Г. Ляпуновой эти уникальные материалы, вместе с другими не менее ценными коллекциями по алеутам, были широко использованы для комплексной характеристики традиционной материальной культуры и общественного устройства островитян. Автор использует также и отлично комментирует рисунки и записи собирателей.

В I главе своего исследования Р. Г. Ляпунова анализирует все важнейшие источники, относящиеся к истории изучения алеутов, начиная со времени открытия Алеутских островов участниками Второй Камчатской экспедиции под командованием В. Беринга и А. И. Чирикова. Автор последовательно характеризует плавания русских мореходов, торговых и промышленных людей на Алеутские острова и в другие районы Русской Америки и в то же время всякий раз указывает, какие сведения о жизни местного населения в виде коллекций материальной культуры, «сказок», «репортажей», «докладов» и дневников доставлялись участниками берингоморских походов.

Р. Г. Ляпунова убедительно показывает, какую неочевидную роль в деле изучения истории алеутского общества сыграли выдающиеся открытия русских первопроходцев в Северной Америке — В. Беринга, А. И. Чирикова, С. Глотова, М. Д. Левашова и П. К. Креницына, Г. А. Сарычева и И. И. Биллинга, Г. И. Шелихова, А. А. Баранова, И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, К. Т. Хлебникова, И. Е. Вениаминова, И. Г. Вознесенского и многих других энтузиастов освоения и изучения вновь открытых земель и населяющих их народов в XVIII и XIX вв.

Автор справедливо выделяет роль И. Е. Вениаминова в изучении материальной и духовной культуры алеутов. В книге широко комментируются фактические материалы, наблюдения и заключения Вениаминова, что придает собственным суждениям и выводам Р. Г. Ляпуновой еще большую убедительность.

Говоря о современных теоретических работах, непосредственно относящихся к «алеутской проблеме», Р. Г. Ляпунова подробно излагает взгляды этнографов, археологов, антропологов и лингвистов. Особое внимание уделяется исследованиям истории алеутов в свете их древнейших генетических и контактных связей с эскимосами, палеоазиатами и индейскими племенами Северной Америки. С этой целью корректно излагаются основные выводы из трудов советских (В. И. Йохельсона, С. И. Руденко, Г. Ф. Дебеца, С. В. Иванова, А. П. Окладникова, Н. Н. Дикова, В. П. Алексеева, Р. С. Васильевского, И. С. Вдовина, Л. А. Файнберга, С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева), а также зарубежных исследователей (В. Долла, А. Грдлички, К. Биркет-Смита, В. С. Лафлина, Ч. Чарда, Г. Б. Коллинза, Ф. де Лагуны, Г. И. Квимби, Т. Бенка II, Д. Е. Дюмона, А. П. Мак-Картни, К. Бергсланда и др.).

Р. Г. Ляпунова внимательно анализирует различные точки зрения на ряд кардинальных вопросов алеутской проблемы (откуда и когда пришли алеуты на острова; каким путем шло заселение островов и Америки в целом; были ли алеуты первыми насельниками островов и одновременно ли они пришли туда; в какое время и где произошло разделение палеоэскимосов и палеоалеутов). Особо она рассматривает обоснование американскими учеными Д. Хопкинсом и Р. Блэком (по данным современных геологических изысканий) существования 12 тыс. лет назад сухопутного моста между Азией и Америкой (так называемой Берингоморской платформы или древней Берингии), а также новейшие археологические изыскания на Алеутских островах и в Аляске известного американского антрополога и археолога В. С. Лафлина, подтверждающего азиатское происхождение алеутов и выдвигающего новую дату заселения островов (10 тыс. лет тому назад).

Во II и IV главах книги дается характеристика основных видов хозяйственной деятельности алеутов, орудий и средств морского промысла, а также предметов материальной культуры. Автор всесторонне описывает здесь не только материал, технические и конструктивные свойства орудий и средств охоты, предметов быта и украшений, но также способы изготовления этих предметов и пользования ими. Мы находим в этих главах достоверную реконструкцию ушедшей в далекое прошлое своеобразной материальной культуры алеутов.

Описание орудий и средств охоты, типов поселений и жилищ, типов одежды, искусства плетения и изготовления уникальных головных уборов и украшений автор использует для выводов не только о чрезвычайно длительном периоде развития особой культуры алеутов в условиях их адаптации на изолированных островах, но и о более древних (доостровных) компонентах культуры, которые восходят к периоду гипотетической протоэскимосскоалеутской генетической общности, а также о ранних и поздних контактах алеутов с другими племенами Северной Америки и Северо-Восточной Азии.

Автор отмечает, что рассмотренный в работе этнографический материал свидетель-

ствует о чрезвычайно длительном историческом периоде пребывания алеутов в условиях изоляции на этих островах с их сложной экологической обстановкой. Характер орудий и средств охоты говорит о продолжительном и независимом пути развития основного вида хозяйственной деятельности алеутов — морского промысла. Специфика алеутского морского промысла в сравнении с эскимосским указывает на то, что протоэскимосоалеуты до их разделения таким промыслом не занимались. В результате длительного освоения островных земель алеуты создали высокоспециализированное и продуктивное охотничье-рыболовно-собирательное хозяйство (на последнем этапе первобытнообщинной формации). В материальной культуре алеутов конца XVIII — начала XIX в. сохранились традиции, свидетельствующие о генетических и контактных культурных связях их с другими народами, «начиная от исходных азиатских культур и до эскимосской, палеоазиатских и индейских» (стр. 196).

Автор вслед за Г. Ф. Дебецом, М. Г. Левным, В. С. Лафлином, Н. Н. Диковым и Р. С. Васильевским признает, что «формирование алеутов со всеми особенностями их физического типа, языка и культуры происходило на той же территории, где застали их первые европейцы, т. е. на Алеутских островах» (стр. 67, 196). С этим выводом нельзя полностью согласиться. Если признать существование протоэскимосоалеутской генетической общности (в том числе и языковой), то в этом случае палеоалеуты по пути на острова не смогли целиком утратить языка, бывшего средством общения с родственными им палеоэскимосами. Между современными эскимосскими и алеутскими языками имеется, конечно, существенное различие на всех основных уровнях — фонетическом, лексическом и грамматическом. Но в то же время у них сохранились и общие черты по всем трем указанным аспектам¹. По-видимому, существенные различия между родственными протоэскимосскими (йупик и инупик) и протоалеутскими языками существовали еще в доберингоморский период. Это были уже сложившиеся языки со всеми специфическими для них особенностями. Между тем алеутский язык в процессе продвижения его носителей в район Древней Берингии мог ассимилировать какой-либо язык (или языки) иной системы, что в условиях скрещения и смешения разноразличных народов в гипотетический период их продвижения из Северо-Восточной Азии и в Северную Америку могло иметь место.

Вероятным представляется и тот факт, что протоалеутский язык еще в доберингоморский период мог выполнять функцию промежуточного языка — посредника между родственным ему протоэскимосским и каким-либо соседним иносистемным языком (или языками), в результате чего он адаптировал значительную часть иноязычной лексики, которая позже, в условиях островной изоляции, окончательно в нем закрепились.

Большая часть корневых элементов алеутской лексики и специфика фонетической структуры слов алеутского языка существенным образом отличает его от эскимосского. Не исключена возможность, что многие строевые черты его развились в условиях длительной островной изоляции, а значит он в известной степени усовершенствовался. Но коренные различия в его лексике и других частях строя по сравнению с эскимосскими языками относятся все же к доостровному времени. *Абсолютно вся алеутская терминология, относящаяся к предметам морского промысла, к названиям морских животных отличается от такой же эскимосской терминологии*, что свидетельствует об автономном и параллельном развитии морского промысла у эскимосов и алеутов.

А. Грдличка высказывал мнение о возможности заселения островов к моменту прихода туда алеутов. Если придерживаться этой версии, то логично предположить, что неалеуты (ответвление от протоэскимосоалеутов) могли полностью ассимилировать своих иноязычных предшественников — доалеутов и этот ассимилятивный процесс повлиял на изменение важнейших строевых основ языка неалеутов. Однако новейшие археологические исследования В. С. Лафлина (открытие древней алеутской стоянки Анангуля на одноименном острове), обнаруживающие сходство антропологических и культурных (археологических) признаков, свидетельствуют об одновременном заселении островов (стр. 53, 54). Но и в этом случае могло наблюдаться тождество материальной культуры и антропологических признаков у двух и более разноразличных племен, одновременно пришедших на острова, где в результате ассимилятивных процессов и одинаковых экологических условий мог образоваться новый этнос с преимущественными компонентами протоалеутского антропологического и лингвистического типа. Из сказанного следует, что при рассмотрении древнейшего этнического состава Алеутских островов надо, по-видимому, учитывать неизбежные при миграциях различных народов ассимилятивные процессы, оказывающие влияние как на изменение физического типа, так и языка. Известно, что язык устойчиво сохраняет свои строевые особенности при условии полной и длительной изоляции его носителей, но он подвергается частичным или даже коренным изменениям в случае смешения разноразличных этносов.

В III главе Р. Г. Ляпунова делает обоснованные выводы о социально-экономических отношениях в алеутском обществе ко времени прихода русских. Автор показывает, что алеуты сохраняли самобытное общество морских охотников и рыболовов с явными признаками распадающейся первобытнообщинной формации. Основными видами хозяйственных занятий была охота на морского зверя и рыболовство, вспомогательными — охота на пернатую дичь, собирательство; производство хозяйственной утвари. В связи с этим наблюдалась четкая дифференциация мужского и женского труда. Мужчины зани-

¹ Г. А. Меновщикова, Эскимосско-алеутские языки и их соотношение с другими языковыми семьями, «Вопросы языкознания», 1974, № 1, стр. 46—59.

мались охотой, рыболовством, собирали плавниковую древесину, изготавливали орудия труда, предметы быта, строили жилища. Женщины солили рыбу, собирали корни и ягоды, морских ежей, ракообразных и моллюсков в приливно-отливной зоне, занимались плетением и шитьем.

Основой алеутского общества являлись селения-общины, ядром которых считались родственники и свойственники. Социальные объединения последних были основой для формирования дружин при совершении торговых и военных походов. Домашнюю общину алеутов конца XVIII — начала XIX в. Р. Г. Ляпунова рассматривает как патриархальную с пережиточными элементами матриархата (стр. 118—120). Автор приводит обширные и убедительные материалы о семейно-общинной организации алеутов в промежуточный период ее разложения и перехода к классовому обществу (институт рабства, начало присвоения результатов общественного труда, наследование власти старшин, замена принципа старшинства принципом богатства при избрании вождя и др.).

В работе прослеживается, как алеуты при кажущейся примитивности видов традиционной хозяйственной деятельности достигли высокого уровня производительности труда, что при сложных экологических условиях существования на изолированных островах в полной мере обеспечивало население необходимыми жизненными ресурсами. С достаточной полнотой охарактеризованы формы организации коллективного и индивидуального труда. Автор показывает, как виды коллективного труда и коллективной собственности (охота на крупного морского зверя, охотничьи угодыя, борьба между общинами за охотничьи угодыя, сооружение жилищ), а также коллективного распределения добычи переплетаются с элементами индивидуального присвоения результатов коллективного труда или труда отдельных членов общины, орудий и средств производства. Р. Г. Ляпунова отмечает интенсивность процесса разложения первобытнообщинной формации алеутов и ее классового расслоения еще в доколониционный период.

Дальнейшие комплексные исследования археологов, этнографов, антропологов и лингвистов внесут существенные поправки в современные теории заселения человеком пространств между Старым и Новым Светом, однако в решении этой сложной и интересной проблемы уже сейчас имеются значительные достижения, что обстоятельно раскрыла в своих этнографических очерках об алеутах Р. Г. Ляпунова. Используя комплексный анализ изучаемых этнографических, археологических, антропологических и лингвистических факторов, автор ставит ряд вопросов этногенетического и исторического характера, имеющих актуальное значение не только для алеутской проблемы, но и для решения более широких проблем заселения человеком Севера Тихоокеанского бассейна.

Г. А. Меновицков

НАРОДЫ СССР

Э. К. Васильева. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). М., 1975, 180 стр.

Семья как микроячейка общества отражает в той или иной степени различные социальные явления и процессы и сама воспроизводит их на своем уровне. При изучении семьи ученые разных специальностей условно выделяют соответствующие ее стороны или функции: демографов, семья интересует прежде всего как ячейка естественного воспроизводства населения, социологов — как особый коллектив, в котором осуществляется социализация нового поколения, этнографов — как ячейка существования и воспроизводства этноса (его языковой, культурно-бытовой специфики и т. д.). Так как в реальной жизни все эти функции и стороны семьи органически связаны между собой, то каждое новое исследование семьи почти неизбежно привлекает внимание ученых смежных специальностей.

Работ, посвященных семье, несмотря на актуальность и большую научную и практическую значимость этой тематики, пока досадно мало, а обобщающих демографических исследований и того меньше; и уже поэтому выход в свет книги Э. К. Васильевой можно приветствовать. По своему содержанию эта интересная работа носит демографический характер, однако некоторыми своими сторонами она смыкается с этнографическими исследованиями, а в ряде случаев и прямо выходит за этнографическую тематику.

Следует сразу же отметить, что заглавие рецензируемой работы не вполне соответствует ее содержанию, так как в ней рассматриваются не все семьи и не все функции семьи; вместе с тем ряд рассматриваемых вопросов выходит за рамки указанной тематики. «Основной задачей нашей работы, посвященной преимущественно городской семье,— пишет автор,— является раздельное исследование влияния некоторых общественно-экономических факторов на семью (гл. 1 и 2) и воздействие семьи на общественные процессы (гл. 3)», (стр. 5). При анализе этого воздействия автор рассматривает социальные функции семьи по воспитанию и образованию нового поколения. К сожалению